

18+

Без ерунды

Диана Ольшанская

Диана Ольшанская

Без ерунды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55346157

ISBN 9785449885302

Аннотация

Рассказ о том, как в самый неожиданный момент, на грани жизни и смерти, когда уже ничего не имеет значения, в одночасье меняется всё и жизнь обретает иной смысл.

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Без ерунды

Диана Ольшанская

© Диана Ольшанская, 2020

ISBN 978-5-4498-8530-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Она открыла глаза. Под потолком белели длинные лампы дневного света, ужасно яркие, на них больно было смотреть. Но еще сильнее была боль в животе, эхом разносящаяся по всему телу. Эта боль заставила Ее не только зажмуриться, но и сморщиться так, что Она почувствовала себя игрушкой – той, которую надевали на руку и, сжимая пальцы, превращали милую мордашку в гримасу уродца. Боль. Ей казалось, что Она уже давно к ней привыкла. Лучевая терапия, химиотерапия – все было больно. А теперь и эта операция. Ей вырезали новообразования, впрочем, как и сам пораженный орган, и теперь оставалось надеяться на то, что Ей всего сорок и организм преодолет нападение этого ужасного членистоногого, такого, казалось бы, безобидного в природе...

Все началось неожиданно и незаметно, как оно и бывает: однажды оказавшись на приеме гинеколога, Она по выражению его лица сразу поняла, что дело плохо. Насколько? Врач обнадежил, что современная медицина может творить чудеса, а стадия такова, что «все наверняка можно исправить». Надеялись, обойдется терапией. Тогда еще никто не знал, как далеко все пойдет.

Тошнота подкатила к самому горлу. Ее предупреждали, что такое может быть от наркоза. Боль на несколько мгновений отступила, но только для того, чтобы с новой силой

впитаться в живот.

– Воды... – простонала Она и снова попыталась открыть глаза. Яркий свет резал их будто ножом. «Не могу же я умереть от жажды», – пронеслось у Нее в голове. И тут Она услышала незатейливую мелодию, которую насвистывал кто-то поблизости. С усилием повернув голову, Она увидела матовую стеклянную перегородку, из-за которой доносились эти звуки.

– Кто тут?

– Никто... – произнес хриплый мужской голос.

– Почему Никто?

– Потому что я тут, – усмехнулся голос.

– Значит, я тоже *Никто*...

– У всех свои выводы.

– А как ты свистишь?

– Молча. – В голосе человека за перегородкой слышалась легкая насмешка над всем происходящим: над болезнью, которая его сюда привела, над жизнью, возможно, даже над самой смертью, и от этого Ей стало немного легче. Она попыталась облизнуть губы, чтобы продолжить разговор. Казалось, этот голос для Нее сейчас важнее всего, даже важнее воды. Он давал какую-то надежду.

– Как ты сюда попал?

– Как и все.

– А что у тебя?

– У меня? Ерунда! Мне ее вырезали.

– И мне вырезали... Ерунду...

– Значит, мы с тобой люди без ерунды. Видишь, все произошло.

Ей стало смешно: все вдруг оказалось так просто. Теперь Она человек *без ерунды*. В больнице *таких* много. Когда в реанимационный блок вошел Врач, Ее растрескавшиеся губы растянулись в улыбке.

– Улыбаетесь? Это хорошо.

– Можно... воды?

Врач взял стакан с водой и, опустив в него соломинку, поднес к Ее губам. На вкус вода была необыкновенно сладкой. Она могла бы пить ее вечно, но после пары глотков Врач поставил стакан обратно.

– Много нельзя. Потихоньку. Если все будет хорошо, скоро переведем в палату.

Она кивнула Врачу, который улыбался знакомой, ничего не значащей улыбкой. Он заглянул за стеклянную перегородку.

– А как наш весельчак?

Ей тоже было очень интересно, как обстоят дела Весельчака, но Она ухватила лишь начало фразы, потому что сознание снова затуманилось, глаза закрылись, и Она погрузилась в сон.

Когда Она очнулась, было уже утро, и свет из окна был много приятнее света длинных ламп на потолке. Мелодий никто не насвистывал.

«Почему же ты не свистишь, Весельчак?» – мысленно обратилась Она к хриплому голосу, но боялась вслух спросить о том, о чем в этой больнице все спрашивали друг у друга: «А тот еще жив? А этот?». Повернув голову, Она долго вглядывалась в матовую перегородку, чтобы уловить хоть еле заметное движение, прислушиваясь к малейшему звуку, чтобы понять: спит человек или его просто нет? Ей очень хотелось, чтобы обладатель того голоса жил. Появление Врача помогло преодолеть внутреннее волнение.

– А что Весельчак?

Врач насупил брови, вчитываясь в результаты Ее анализов.

– Тот, за перегородкой, – почти шепотом добавила Она, чувствуя, как пальцы рук леденеют от одной мысли, что...

– А, этот? Ничего... жить будет. Надо будет сдать еще несколько анализов...

– Ему?

– Нет, вам.

Врач был явно озадачен. Он все перелистывал историю Ее болезни, анализируя какие-то показатели, всматривался Ей в глаза, то поднимая верхнее веко, то оттягивая нижнее.

– А швы? – спросил он словно сам себя. Откинув одеяло, он оглядел живот со всех сторон и удовлетворенно кивнул. – Завтра переведем в палату. – Но биопсию все же надо будет сделать.

2

Дела шли на поправку. Она начала вставать и потихоньку, маленькими шагами ходить вдоль коридора. И однажды услышала знакомый свист. Это был мужчина примерно Ее возраста, худошавый, с огромными светло-голубыми глазами и глубокими складками возле рта. «Если бы на нем был колпак, прикрывающий лысый череп, всем было бы веселее», – почему-то подумалось Ей. Он сидел в коридоре на лавочке и читал, тихо насвистывая мелодию – ту, из реанимационного блока. Пока Она добиралась до него, он как раз собрался уходить.

– Человек без ерунды? – негромко спросила Она.

– А кто тут без греха? – ответил он, признав свою собеседницу из-за матовой перегородки, и они улыбнулись друг другу.

Разговор был легким и незатейливым. Весельчак получил свое прозвище в больнице, потому что бесконечно рассказывал анекдоты и байки медсестрам и «бойцам по палате» – как он их называл. А после их «встречи» в реанимационном блоке так и представлялся: «Весельчак без ерунды!» При этом он делал резкий кивок и щелкал тапочками, словно на нем были сапоги со шпорами.

О чем бы они ни говорили, Весельчак все превращал

в шутку, иногда граничащую с цинизмом, но в этой богадельне, как он называл больницу, никто не церемонился, и его шутки лишь расцветчивали жизнь. Ей пока тяжело было смеяться – швы ужасно ныли, но и не смеяться Она не могла. А Весельчак считал, что смех лечит лучше любых капельниц и обещал написать диссертацию о том, как «захохотать насмерть» самую противную *ерунду*.

С того дня они встречались в коридоре каждый день. При Ее появлении Весельчак вставал с лавочки и церемонно кланялся. «Разрешите?» – спрашивал он и, не дожидаясь ответа, смачно целовал Ей руку, на самом деле касаясь губами только своего большого пальца. Этот удивительный Друг, как Она его про себя называла, стал неотъемлемой частью тяжелых будней и чуть ли не единственной Ее радостью за все время пребывания в больнице. Швы заживали, смеяться становилось легче, и все могло бы так и завершиться, как бывает в фильмах или романах. Нет, не долгой и счастливой совместной жизнью, а просто хорошо.

И вот однажды Весельчак в коридор не вышел. И на следующий день. Ей было страшно подойти к дежурной медсестре и задать вопрос. Да и как спросить: что с тем Весельчаком, который без ерунды?

На третий день, как раз когда Она направлялась к медсестре, мысленно формулируя свой вопрос, мимо Нее провезли каталку. На каталке лежал Друг: бледный, тихий, с закрытыми глазами, подпрыгивающий всем телом на неровно-

стях больничного пола.

– Что с ним? – спросила Она у дежурной, кивая вслед каталке.

– Метастазы. Бедняга. Намаялся уже...

– ...?

– Четвертая операция за год.

– Четвертая?

– Да... Больная, идите в свою палату, некогда мне! – почему-то рассердилась дежурная – то ли на количество работы, то ли на собственное сочувствие, не принятое в этих стенах.

Она шла по коридору и думала, но не о Весельчаке, потому что мысли о нем ужасно Ее пугали, а о том, почему их называют «больными». Разве это гуманно?

В своей палате Она увидела хмурого Врача, который повел Ее в свой кабинет. Глубоко вздохнув, он поправил очки и внимательно посмотрел на свои ухоженные ногти. Пробарабанив пальцами по столу, он глубоко вздохнул.

– Дело такое. – Врач показал Ей на стул. – Вы садитесь, садитесь. Тут ваши анализы... биопсия показала...

Он говорил, что удаление матки прошло вполне успешно, но неожиданно для всех у Нее обнаружилось генетическое заболевание печени, которое, к сожалению, уже привело к сложной стадии цирроза, а интоксикация, степень которой превзошла...

Но дальше Она уже почти не слушала, слова пролетали мимо. Ей казалось, что все это происходит во сне: ведь са-

мое ужасное осталось позади! Ей же вырезали всю *ерунду*... Она смотрела в окно, где за спиной Врача бесстыжее солнце заливало парк с клумбами пестрых цветов и манило прочь из больничной клетки. «Может, просто улететь? Взять и выпорхнуть отсюда к солнцу? Интересно, что бы сказал на это Друг?». Врач прервал Ее мысли.

– Вы меня слышите?

Он поправил очки и снова побарабанил по столу. Она смотрела на него, словно он был за экраном большого старого телевизора, который хотелось выключить.

– Еще одна *ерунда*, – ответила Она задумчиво. – Вы же можете *ее* вырезать...?

3

Вот уже почти месяц, как Ей ни с кем не хотелось говорить, особенно после того, как Ее перевели этажом выше, где лежали самые тяжелые больные. Морг для живых, как Она для себя заключила, хоть ни разу в настоящем морге и не была.

На этом этаже царила тишина – в перерывах между жуткими стонами, а иногда и невыносимыми криками больных. Она так и не вышла из состояния анабиоза, которое накрыло Ее еще в кабинете Врача. Во сне наяву Ей было почти спокойно. Ее осматривали, нажимали тут и там, щупали, взвешивали, обмеряли, что-то писали в истории болезни. Не понимая, к чему именно Ее готовят, она сдавала бесконечные анализы и пробы, изо дня в день ходила из кабинета в кабинет, на какие-то процедуры, стараясь избегать зеркал, которые, как назло, висели повсюду. Она не могла смотреть на свое отражение: пожелтевшие кожа и белки глаз, красные звездочки лопнувших сосудов по всему лицу и телу, непомерно раздувшийся живот. «Неужели непонятно, что в больнице не должно быть столько зеркал? Это же не балетная школа... Зачем в них смотреться, сравнивая с тем, какими мы были? Разве это гуманно?»

Она испытывала отвращение к любой пище и худела на глазах. Ноги и руки превращались в спички, а живот раз-

дувался все больше и больше. Тупая боль под ребрами справа почти не давала спать. Впрочем, непонятно, что на самом деле мешало больше: боль или стоны умирающих людей.

Она стояла в коридоре возле большого окна и наблюдала, как сентябрь тихо струится каплями дождя по стеклу, знаменую внезапно наступившую осень. Мысли уносили Ее туда, где все было иначе, не так, как тут, в этих стенах успокаивающего цвета и в отвратительном запахе лекарств, которым Она пропиталась до кончиков волос.

За окном было красиво, рыжая листва не успела облететь, и внезапно Она ощутила неправдоподобную свободу. На мгновение Ей показалось, что можно совершить неосуществимое, стоит только расправить отекавшие крылья... В конце концов, что хорошее ждало Ее впереди? Она оглянулась. В коридоре никого не было, и рука сама потянулась к створке окна. От прохладного свежего воздуха Она почти опьянела. Закрыв глаза, представила, как будет парить над всем, что ей было тут уготовано, и как оставит всех с носом. Бесчувственных врачей, циничных медсестер и ужасных санитарок, которые относились к немощным как к грязи, которую надо убрать. Оставалось только взобраться на подоконник. Было тяжело, но оно того стоило.

– Высоко же ты забралась, звезда моя! – послышался родной хриплый голос. Она повернулась и увидела его, своего Друга. Похудевший еще больше, с ввалившимися щеками

и голым черепом, обтянутым тонкой кожей, он шел по коридору, насвистывая свою незатейливую мелодию. И главное – все так же улыбался. В его светло-голубых глазах видна была воля к жизни; они стали только ярче на фоне темных кругов. Сейчас он, пожалуй, ходил вдвое медленнее, чем месяц назад, и даже прихрамывал, но это был он, Ее Друг, Весельчак *без ерунды...*

«Откуда у этого человека столько сил?» – подумала Она. Ей хотелось сказать, как Она рада его видеть, хотелось спросить, где же он был и почему пришел только сейчас, хотелось поблагодарить за то, что он всё-таки Ее нашел... Но ком в горле не дал Ей произнести ни звука; а когда Друг помог спуститься с подоконника, сил хватило лишь на то, чтобы упасть в его объятия и расплакаться.

– Ну что ты, звезда моя, мы еще с тобой посвистим...

– Вот уж этой не до свиста, – гнусаво произнесла Санитарка, словно выросшая из-под земли. В руках у нее была стопка клеенок, которые она несла в процедурную.

– А чего бы добрым людям не посвистеть? – улыбнулся Друг.

– Добрым-то можно, только эта молчит уже вон сколько. А что на уме? Одному Богу известно. Окно закрой! По мне, так оно и лучше, пусть молчит – меньше шума. Тоже мне развела на жалость! Все вы тут... – махнула на Нее рукой Санитарка и скрылась за дверью.

– Правда, молчишь?

Она кивнула головой, все еще не справляясь со слезами.

– Есть у меня одна забавная вещица, хочешь, покажу?

Она снова кивнула головой, пытаясь улыбнуться. Весельчак достал из кармана картонную трубку размером с ладонь.

– Мыльные пузыри? – спросила Она, с трудом выговаривая слова. Кажется, Она уже забыла, как звучит Ее голос.

– Это кто-то стал пузырьком, пока меня не было. Ты лучше сюда взгляни. Видела такое? – сказал он и стал смотреть в трубку как в телескоп.

Она видела такое в далеком детстве, когда отец привез Ей из командировки калейдоскоп. Она его обожала, часами поворачивала, неустанно наблюдая, как меняются внутри узоры из цветных стеклышек. А теперь этот удивительный Друг возвратил Ее, пусть и на мгновенье, в счастливое детство, где Она была маленькой девочкой, «любимой папиной балеринкой», с большими мечтами о великом будущем, которое так и не свершилось...

– Спасибо, – произнесла Она, отрывая взгляд от калейдоскопа. Друг смотрел на нее и улыбался. Но вдруг по изменившемуся выражению его лица Она поняла, что что-то не так. В тот же миг у Нее защекотало под носом; проведя пальцами над верхней губой, Она увидела на них кровь, а в следующее мгновение потеряла сознание от резкой боли в животе.

4

Она не сразу вспомнила, что с ней произошло. Оказалось, у Нее началась печеночная кома и с того момента прошла уже неделя.

– Разрешите? – сказал Весельчак и, как всегда, не дожидаясь ответа, приложился губами к своему большому пальцу. Она еле открыла глаза. Друг стоял возле кровати, улыбаясь во весь рот своей живой улыбкой. Она попыталась улыбнуться в ответ.

– Веселенький у тебя этаж, Пузырек! Хочешь, прогуляемся? – сказал он подмигнув.

Она хотела ответить, но слова и мысли путались... Пришлось лишь покачать головой. Ей было тяжело двигаться, тело одеревенело, ноги не слушались.

– Ладно, тогда завтра... Завтра?

Она кивнула, снова погружаясь в какое-то небытие от обезболивающих средств, которые Ей постоянно вводили через капельницу. Открывая время от времени глаза, Она видела возле себя то Друга, то Врача, то ворчливую Санитарку, которая точными и жесткими движениями подкладывала под Нее холодное судно.

Спустя несколько дней Ей стало лучше, правда речь оставалась замедленной и все еще путались мысли. Друг снова оказался возле Ее кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.